

Оренбургский край, 1893, 31 января, № 16

с. 2-3, Иван

ЗАМѢТКИ И КАРТИНКИ.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ на обѣдѣ беллетристовъ.

11-го января, я получилъ слѣдующую записку:

«Уважаемый Переселенецъ!

Завтра 12-го января беллетристы, въ числѣ которыхъ будутъ Немировичъ-Данченко, Чеховъ, Тихоновъ, князь Волконскій, Атава и др., рѣшили пообѣдать въ Маломъ-Ярославцѣ, въ 6 часовъ. Мы просимъ васъ, раздѣлить съ нами скромную трапезу.

«А. Чеховъ».

«И. Ясинскій».

Польщенный Переселенецъ въ назначенное время въ назначенномъ мѣстѣ былъ налицо, но ощутилъ нѣкоторое смущеніе. Въ числѣ «другихъ» оказались Суворинъ, Григоровичъ, С. Максимовъ, Горбуновъ, все имена достаточно извѣстныя. Всѣхъ собралось восемнадцать человекъ. Трапеза вна-

чалѣ показалась тоже не особенно-то «скромной», потому что предъобѣденная закуска представляла довольно точную копію съ той, которая подавалась на пирахъ Лукулла. Но тревога была ложная: собственно трапеза послѣдовала дѣйствительно скромная.

Закусили, перешли въ другую комнату, усѣлись. Чеховъ, стройный, высокій молодой человекъ, съ вдумчивыми большими глазами, которые время отъ времени при улыбкѣ, вдругъ зажигались доброй, юношеской радостной веселостью. Григоровичъ, высокій, сѣдой, живой и подвижный, съ быстрымъ взглядомъ маленькихъ свѣтлокарихъ глазъ. Полусѣдой, съ большимъ вынуклымъ лбомъ, довольно полный Суворинъ, осматривающійся, то сверхъ очковъ, то изъ-подъ нихъ, то мимо нихъ вбокъ, умнымъ и пристальнымъ взглядомъ. И, наконецъ,—онъ, Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, едвали кому

неизвѣстный на Руси, если не по живому чтенію его знаменитыхъ сценъ, то по печатнымъ ихъ сборникамъ. Горбуновъ, какъ только сѣлъ, такъ сейчасъ и заговорилъ.

— «Пріѣхалъ я въ городъ Глуновъ. Пошелъ на бульваръ. На бульварѣ— клубъ, лѣтнее помѣщеніе. Буфетъ; за стойкой буфетчикъ,—засаденный, сонный, въ поджакѣ. Рюмку водки, говорю. Молчитъ. Водки, повторяю. Это отвѣчаетъ, стоитъ пятнадцать копѣекъ. Что же, спрашиваю, впередъ деньги берете? Да, говоритъ, съ актеромъ... Я сильно смутился, однако спрашиваю: какъ-же вы актеровъ отличаете?—По облачку»...

— Иванъ Федоровичъ, а какъ вы своего двойника встрѣтили?

— Это въ Головотановѣ?

— Да.

— «Встрѣтилъ... Пріѣхалъ я въ Головотановъ. Пошелъ на бульваръ. На

бульварѣ клубъ, лѣтнее помѣщеніе. На дверяхъ афиша: въ заключеніе спектакля артистъ с.-петербургскихъ театровъ И. Ф. Горбуновъ прочтетъ нѣсколько сценъ своего собственнаго сочиненія. Удивился я, взялъ билетъ въ семьдесятъ копѣекъ. Сѣлъ, смотрю, жду Горбунова. Вышелъ Горбуновъ. Маленькій, картавый. Рассказываетъ,—громъ аплодисментовъ. Повторяетъ,—фуроръ. Еще,—овація... Удивляюсь! Когда кончилъ, иду къ нему въ уборную. Огарокъ горитъ, водка, огурцы. А на стулѣ въ лоскъ пыльный квартирный спитъ.

«— Позвольте, } говорю, познакомиться.

«— Очень радъ.

«— Вы—Горбуновъ?

«— Горбуновъ.

«— Давно изволите заниматься этимъ искусствомъ?

«— Порядочно.

«— Хорошее, говорю, искусство по одно вамъ стыдно: вѣдь, Горбуновъ-то я. Нехорошо дѣлаете!

Сконфузился мой двойникъ. До того смутился, что только одно сказалъ:

«— Городничему, это извѣстно»...

Семнадцать человекъ беллетристовъ просто упали отъ хохота. Восемнадцатый, Горбуновъ, какъ ни въ чемъ не бывало, кушалъ супъ.

Иванъ Федоровичъ кончилъ супъ и обратился къ Григоровичу:

— Дмитрій Васильевичъ, помните, какъ ты въ 1854-мъ году пріѣхалъ знакомиться къ Островскому?

— Въ Москву,—помню.

— Я тогда у Островскаго жилъ. Ты насъ тогда поразилъ.

— Чѣмъ это?

— Я расскажу. Только ты не сердись...

— Полно, стану я сердиться! Но тебя то ужъ никогда не разсержусь.

также? См.: Большаков Л.Н. Отыскал я книгу спавшую... «Зелаянка», 1971, с. 197, «самое раннее упоминание о Зеленомъ театральномъ характерѣ»); Буклин С. Дорогой Антонъ Павловичъ. Минск, 1973, с. 109-110. какъ пріисор прощупываетъ уверенность изъ-за вѣнч. бѣды.

— Так я расскажу, а?

И Ив. Фед. стал рассказывать:

«Островский жил тогда в Москвѣ. Въ славѣ еще не былъ, критика его поругивала... Жилъ онъ на глухой улицѣ, во дворѣ, въ церковномъ, у пона въ домѣ... Хозяйствомъ заправляла экономка, старая, толстая, живость большой, ходила на пятахъ... Въ Москвѣ тогда просто жили; выпить—водочка, закусить—огурчикомъ. Самъ Островскій ходилъ дома въ овечьемъ тулупчикѣ, а на ногахъ—валенки. Для тепла. Гости тоже были простые: поэтъ Ситцевый, хорошій поэтъ, въ больницѣ потомъ померъ; поэтъ Дьяковъ; Провъ Садовскій захаживалъ, табачокъ нюхалъ... Вдругъ прислуга говоритъ: сочинитель изъ Петербурга, Григоровичъ пріѣхалъ... Мы вродѣ какъ бы маленько обмерли. Сочинитель знаменитый, гремитъ, да еще изъ Петербурга! Осудить!.. Ну, огурцы убрали, валенки

скинули, подъ диванъ. Просить,—входить...

Ты не сердись, Дмитрій Васильевичъ!...

— Да говорятъ тебѣ не сержусь!

«— Ну, ладно... Входить. Пиджакъ-эдакій! Брюки-такіе! Жилетъ!.. Мода! Картина!.. А мы—то однимъ окомъ подъ диванъ: не торчатъ ли валенки... Прическа, вотъ, какъ-то такъ! Стекло въ глазу! Не серднишься Дмитрій Васильевичъ?»

— Видишь, смѣюсь до упаду!

«— Ну, хорошо... Франтъ, но милый. Обласкалъ, разговорилъ, ободрилъ. Совсѣмъ мы розошлись, но—одного не поймемъ. Не поймемъ, да и шабанъ! Сами судите: у насъ въ Москвѣ, если ты мушьяна, носи сапоги, сапоги съ голенищами. А у него на ногѣ лакированные башмакъ!.. Да что башмакъ! Пунцевого шолка чулки!.. Сидитъ, сидитъ, да потомъ ногой какъ махнеть,

а чулокъ какъ сверкнетъ!.. Опять сидитъ, опять говорить,—да какъ махнеть, какъ сверкнетъ!.. Просто оробѣли мы, послѣ нашихъ-то валенокъ! А экономка-то Островскаго даже въ стыдъ припала, не то въ негодование.

Красная, вспотѣла... А онъ какъ махнеть, какъ сверкнетъ!.. Не сердни-сь! голубушка, Дмитрій Васильевичъ!»

Но Дмитрій Васильевичъ хохоталъ до слезъ. Да и всѣ хохотали до того, что картофельное пюре попададо въ ность вмѣсто пищевода. Одинъ И. Ф. оставался безмятежно сповоснь.

Читатель, если онъ видѣлъ Горбунова, повѣритъ, что дѣйствительно такъ смѣялись; тому же, кто Горбунова не слыхивалъ, трудно описать игру физиономіи разскащика, интонаціи его голоса и поистинѣ олимпійскій комизмъ разсказа. Къ тому же, рассказывая о живыхъ лицахъ, онъ изображаетъ ихъ голосъ, лице, манеры, удивительно по-

хоже, хотя въ то же время и въ карикатурѣ. Рассказываетъ Горбуновъ, не умолкая; это обратилось у него въ потребность.

Время отъ времени онъ встаетъ и рассказываетъ стоя.

— Да сидьте, Иванъ Федоровичъ!

— Миѣ такъ ловчѣ. Когда сидишь, какъ-то теченіе мыслей не то.

Скушавъ котлету съ картофельнымъ пюре, Иванъ Федоровичъ утерся салфеткой и сейчасъ же опять началъ:

«— Пригласилъ однажды меня и Писемскаго къ себѣ на чтеніе книгъ Одолевскій, писатель-великожа. Это ужъ лѣтъ тридцать пять тому назадъ. Вечеромъ мы и ѣдемъ, на извозикѣ, на гитарѣ. Подъѣзжаемъ къ крыльцу,—а въ это время намъ на перерѣзъ къ тому же крыльцу—карета. Коня—черти. На козлахъ—лакей, весь въ неряхъ, съ ладункой. Карета стала; тотъ то, что въ неряхъ, кубаремъ свалился съ козелъ,

дверцы открылъ, высалилъ мушьяна,—мушьяна пошелъ. Мы—за нимъ. Мушьяна—черный, бритый, щеки синія. Вставилъ въ одинъ глазъ монокль, колесомъ. На насъ эдакъ моноклемъ-то взглянулъ, на одного, потомъ на другого,—и прослѣдовалъ во внутренніе апартаменты.

«— Это кто же такой будетъ? спрашиваетъ Писемскій у лакея.

«— Посланный.

«— Какой державы?

«— Португальскій.

«— Ваня! говоритъ миѣ Писемскій.

«— А что?

«— Вотъ, вѣдь, бѣднація, а горды.

Вмѣсто пищевода въ носы слушателей попадаетъ на этотъ разъ сосъ иванъ съ шампильонами отъ рыбы.

Иванъ Федоровичъ очень вѣжливо и совершенно спокойно обращается къ сосѣду.

— Будьте добры, подвиньте миѣ горчичу. Вотъ, около васъ...

Переселенецъ.

<В. А. КИГН>